

$x(A(x) \wedge E(x))$ — «предмет x такой, что он обладает свойством A и существует».

² Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т. 3. С. 153.

³ См.: (3, 521—522), а также Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 413.

⁴ Как не вспомнить в этой связи гегелевское «Бытие есть ничто» (см.: Гегель Г. Указ. соч. С. 140).

⁵ Начиная с этого пункта, все нижеследующее строго формально обосновано (доказано) в специальном субъектно-предикатном исчислении, построенном автором (см.: Бочаров В. А. Анализ так называемого онтологического доказательства бытия бога и его критика Кантом//Модальные и релевантные логики/Под ред. В. А. Смирнова; Ин-т философии АН СССР. М., 1982. С. 47—54.

К ВОПРОСУ О «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ»

А. Ф. Грязнов

(Московский государственный университет)

В последние годы исследователи проявляют все больший интерес к различным сторонам кантовской философской аргументации. Этот вопрос рассматривается как с содержательной, так и формальной стороны. В первом случае обращается внимание на органичную взаимосвязь характерных для Канта способов рассуждения и поставленных им теоретических задач. Во втором — выявляется и анализируется сама логическая структура применяемой им аргументации. Впрочем, в большинстве зарубежных исследований затрагиваются обе стороны вопроса, и разница заключается лишь в том, чему придается основное значение. Но всегда так или иначе оценивается оригинальность кантовского подхода. Как и вся философия Канта, его аргументация служит для решения теоретико-познавательных и этикомировоззренческих проблем и имеет трансцендентальный характер. Многие западные авторы сейчас пишут о «трансцендентальной аргументации» (или «трансцендентальном аргументе» — этот термин стал традиционным) как о совершенно особом, не встречающемся до Канта типе аргументации, сохранившем значительный потенциал для реализации и совершенствования в современной философии. Вместе с тем признается, что в отношении понимания специфики трансцендентальной аргументации (ТА) еще сохраняется много неясности.

Давно известно, какую важную роль играют в кантовских текстах косвенные (апагогические) доказательства. В то же время сам Кант никогда не усматривал за этим видом доказательства возможность универсального применения. Он полагал, что косвенное доказательство, в логическом плане подчиняющееся правилу *modus tollens*, применимо прежде всего в математике и отчасти в естествознании — «только в тех науках, где объективное, т. е. знание того, что есть в предмете, нельзя подменить субъективным в наших представлениях» (3, 652).

Такие доказательства обладают достоинством очевидности (ибо противоречие всегда представляется с большой ясностью) и краткостью («достаточно найти хотя бы один ложный вывод среди следствий, вытекающих из противоположного суждения, и тогда само это суждение ложно, а, стало быть, доказываемое положение истинно». — Там же). Но злоупотребление косвенной аргументацией в философии усиливает позиции «задиристого» догматизма.

Сказанное, конечно, не означает, что сам Кант не использует такую аргументацию в своих философских целях. Так, уже в «Предисловии» ко второму изданию «Критики чистого разума» для доказательства различия вещей самих по себе и явлений читателю предлагается рассмотреть ситуацию, в которой подобное различие не проводится. В этом случае, считает Кант, все стало бы подчиняться закону причинности, не знающему в природе никаких исключений. И тогда, не впадая в противоречие, о душе нельзя было бы сказать, что она одновременно и свободна, и подчиняется необходимости. Избежать этого противоречия помогает допущение различия Вещей и явлений (3, 93—94). И, конечно, самое широкое применение апагогическая аргументация получает в учении об антиномиях космологической идеи.

Наконец, оригинальной разновидностью такой аргументации является кантовское «Опровержение идеализма». Здесь допущение в качестве исходного момента непосредственного внутреннего опыта в стиле «проблематического идеализма» (т. е. идеализма, для которого проблематично существование внешних вещей) заставляет в результате проведенного доказательства принять постоянные в восприятии внешние вещи как критерии наличия самого этого опыта.

Но поскольку применение косвенной аргументации, с точки зрения Канта, имеет свои пределы, то каким же требованиям должен отвечать наиболее адекватный для философии вид аргументации? Прежде всего доказательство «чистого разума» должно быть *прямым*, ибо оно «с убеждением в истинности связывает узрение ее источников» (3, 651). Но это свидетельствует и о том, что философские доказательства, по Канту, имеют эпистемологический характер. Аргументация философов также должна быть *честной*, чтобы можно было сопоставлять достоинства разных позиций (косвенное доказательство этого не позволяет делать).

Поскольку аргументация Канта способствует решению главных задач его трансценденталистского учения, то для нее в наибольшей степени характерно установление познавательных условий, при которых оказывается возможным опыт или знание определенного рода. Она также служит обоснованию и пониманию роли самих априорных способностей субъекта. Указывается, в частности, на невозможность представить отсутствие та-

ких способностей, ибо нельзя представить себе мир, в котором они бы не играли своей роли. Кант осуществляет введение абстракции «априорного» как неэмпирического, необходимого и всеобщего знания. Такое знание, рассуждает он, безусловно имеется, но опыт и индукция не могут быть его источником (Кант в полной мере учитывал выводы относительно «проблематичности» индукции, сделанные Юмом). И каким же еще, если не априорным, может быть это «объективное» знание?

Вот еще один аналогичный пример. Кант осуществляет своеобразный «мысленный эксперимент»: «Никогда,— отмечает он,— нельзя себе представить отсутствие пространства, хотя нетрудно представить себе отсутствие предметов в нем. Поэтому пространство следует рассматривать как условие возможности явлений, а не как зависящее от них определение; оно есть априорное представление, необходимым образом лежащее в основе внешних явлений» (3, 130). Данный аргумент, надо сказать, становится действенным лишь тогда, когда он вписывается в определенный философский контекст, о котором у нас еще будет повод поговорить.

Одной из важнейших разновидностей ТА является трансцендентальная дедукция. Правда, было бы неверно сводить все виды ТА к этой дедукции. Не случайно же Кант в «Аналитике» излагает учение о трансцендентальной дедукции категорий уже после их метафизической дедукции. А ведь обе в принципе отвечают на «вопрос о праве» и потому представляют собой две разновидности ТА. С помощью метафизической дедукции показывается, что наличие определенных логических функций есть необходимая предпосылка суждений рассудка об опыте, тогда как трансцендентальная дедукция устанавливает «объективное» применение категорий. Но метафизическая дедукция, а также другие метафизические аргументы получают у Канта достаточно ограниченное применение. Немецкий философ, как известно, считал, что они становятся бесплодными, когда им дают универсальное истолкование. Кстати, часто упускают из виду, что, по Канту, возможна не только трансцендентальная дедукция категорий, но и трансцендентальная дедукция регулятивных принципов диалектического разума. Он, к примеру, писал: «Итак, если можно показать, что троякого рода трансцендентальные идеи..., хотя и не относятся прямо ни к какому соответствующему им предмету или *определению* предмета, тем не менее при допущении такого *предмета в идее* приводят все правила эмпирического разума к систематическому единству и всегда расширяют опытное знание, никогда не противореча ему, то действовать согласно таким идеям есть необходимая *максима* нашего разума» (3, 571).

После введения в проблематику перейдем к рассмотрению некоторых структурных моментов, присущих ТА. С логической точки зрения, трансцендентальные аргументы уникальны тем,

что для них характерна зависимость одной из посылок от заключения, которое поэтому выступает в качестве принципа (Grundsatz), а не теоремы (Lehrsatz). Если представить ТА в виде умозаключения, то в его большой посылке будет констатироваться наличие некоторого опыта (E), например, опыта о явлениях в пространстве и во времени. С учетом кантовской классификации видов суждений встает вопрос об этой посылке. Очевиден ее синтетический характер, но какой? Ряд исследователей допускает, что большая посылка есть априорно-синтетическое суждение, поскольку в ней, как отметил М. Грэм, констатируется наличие опыта в «сильном», а не «слабом» смысле слова¹. В первом случае имеется в виду опыт как априорный синтез многообразия ощущений, а во втором — сами ощущения, «материя опыта». Правда, следуя такой трактовке, в аргументации можно усмотреть возможность появления логического «круга».* С. У. Арндт, придерживающийся феноменологической ориентации, вообще считает, что отличительной чертой ТА оказывается содержание в большей посылке феноменологического описания сущностных структур некоторой интенциональной операции сознания². Как бы то ни было, очевидно, что первая посылка в трансцендентальном умозаключении не может сводиться к констатации «чистого опыта», что сделало бы это умозаключение неэффективным.

Малая посылка кантовских аргументов указывает на то, что некоторый принцип *P* (например, синтезирующая деятельность априорных форм чувственного созерцания) есть необходимое условие возможности опыта *E*. Скорее всего она представляет собой аналитическую истину, ибо предполагается, что данный принцип нельзя отрицать без противоречия³. Наличие указанных эпистемологических требований к посылкам отличает ТА от других дедуктивных аргументов. Но это содержательное, а не чисто формальное отличие, поскольку, как показал Арндт, ТА может быть выражена в различной логической форме (*modus ponendo ponens*, *modus ponendo tollens*, etc)⁴. В самом же общем виде структура аргумента выглядит так:

1. E.

2. P есть необходимое условие E.

3. Следовательно, P.

ТА иногда рассматривается как ответ на возражения «скептика» (этого идеализированного оппонента любой теории познания). С ее помощью показывается, что «скептик» подрывает свою собственную позицию, ибо принятие его возражений означало бы отказ от той самой концептуальной системы, в рамках которой они только и возможны. В этом случае с помощью ТА показывается необходимость определенного понятийного аппарата для получения определенного вида опыта. Любопытно

* Мы далее вернемся к оценке этой возможности.

в связи с этим упомянуть знаменитую статью Д. Э. Мура «Доказательство внешнего мира»⁵, в которой этот английский философ-неореалист утверждает, что развивает линию Канта, считавшего «скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимым принимать лишь на *веру* существование вещей вне нас... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению» (3, 101). Мур, как известно, начинал доказательство, указывая на свои руки. Принятие этой «посылки», как он полагал, позволяет последовательно вывести существование всех внешних вещей и тем самым доказать существование внешнего мира. Однако в данном случае мы вряд ли имеем дело с разновидностью кантовской ТА. Во-первых, посылка «вот две руки», с точки зрения Мура, есть некоторое утверждение о «чувственных данных» (*sense-data*) и потому не представляет опыт в «сильном» смысле. Во-вторых, данную посылку предлагается принять на веру, но по причине ее конкретного характера она куда более уязвима для возражений скептика, нежели большая посылка кантовских аргументов. И, в-третьих, доказательство Мура отнюдь не устанавливает, что существование внешнего мира есть *необходимое* условие возможности существования «двух рук».

Современная реконструкция кантовской ТА во многом связана с понятием «концептуальной схемы (системы)», получившим широкое распространение в аналитической философии и как бы заменившим понятие «априорной формы». Считается, что «схема» предоставляет необходимые критерии референции и предикации для определенного вида опыта⁶. Распространено также мнение, будто с понятием «концептуальной схемы» обязательно связан принцип верификации. Правда, речь идет не об эмпирическом верификационизме в стиле Венского кружка, а скорее о принятии установки так называемого «конструктивного антиреализма» (М. Даммит и его школа). В применении к рассматриваемой нами проблематике имеют в виду следующее. Например, если мы описываем мир как состоящий из пространственно-временной системы объектов, то должно быть возможно *знать*, продолжают ли существовать соответствующие объекты, не будучи воспринятыми актуально. Это знание, как полагают, обязательно должно быть в пределах достижимости наших субъективных способностей. Но такая верификационистская интерпретация, на наш взгляд, уже значительно отдалается от оригинального замысла Канта. В отношении указанного примера ему не было бы необходимости прибегать к верификационизму, поскольку в 1-й Аналогии своих «Основположений» им была показана субстанциальность (и, следовательно, постоянство) явлений природы.

Многие аналитики распространяют действие ТА на область

«философии сознания» и «философии языка». Так, например, возможность приписывания ощущений другим людям рассматривается как необходимое условие существования самого «языка ощущений». Л. Витгенштейн в своей знаменитой критике гипотетического «индивидуального (личного)» языка исходил из того, что невозможно описание индивидуального внутреннего опыта без указания на интересубъективный контекст (под которым подразумевалась разделяемая несколькими людьми «форма жизни»). Кстати, в противоположность Муру он стремился показать, что в рамках той или иной «языковой игры» сомнение, скажем, сомнение в существовании вещей вне нас, есть нечто вторичное, возможное только потому, что имеется ядро некоторых несомненных суждений о внешних вещах⁷.

Зачастую ТА сводят к, так сказать, «практическому силлогизму», и поэтому вопросы «скептика» рассматриваются как *внешние* (в стиле Р. Карнапа), практические вопросы относительно пригодности того или иного «концептуального каркаса». Но эта трактовка, думается, упускает важнейшую философскую цель ТА — установление объективной значимости субъективных условий познания.

Более верным представляется мнение, что кантовская ТА устанавливает объективную значимость с *внутренней* точки зрения⁸. При этом, однако, должен приниматься во внимание общий метафизический контекст, идея «коперниканского переворота». «Она, — пишет Я. Хинтиikka, — является одной из неявных предпосылок, на которых Кант основывает свои «трансцендентальные рассуждения». Поэтому, чтобы эти рассуждения приобрели дедуктивную неоспоримость, следует показать, что единственный способ объяснения возможности априорного знания определенных вещей заключается в предположении, что мы сами каким-то образом вложили в них соответствующие свойства и отношения»⁹. Кантовская позиция основывается на том, что «скептик» не может одновременно принимать идею «переворота» (т. е. тезис о зависимости объектов познания от условий познания) и отвергать объективную значимость концептуальной схемы¹⁰. ТА как таковая должна сделать эпистемологический скептицизм *в принципе* невозможным.

Далее следует отметить, что с помощью ТА Кант обосновывает аналитичность законов «общей логики». Ему отнюдь недостаточно утверждать, что аналитичность зависит от конвенционально установленного значения логических терминов. Но при этом в его рассуждениях обнаруживается «круг»: обоснование законов логики опирается на сами эти законы. Например, «закон противоречия» определяет логическую возможность знания¹¹, из него вытекают все другие законы логики, с его помощью определяются аналитические суждения как таковые. Другой пример «круга» в ТА обнаруживаем в «Аналитике Основположений», где показывается, что объективность являе-

ний природы зависит от их причин, а причины зависят от субстанциональности явлений природы как объектов нашего познания. Примеры наличия «круга» в ТА можно было бы продолжить. Есть разные точки зрения насчет того, имеется ли в кантовской TA *circulus vitiosus* и совершает ли Кант ошибку *petitio principii*. По мнению Арндта, например, ТА свободна от этих логических заблуждений, поскольку ей не свойственно ни доказательство большей посылки с помощью заключения, ни наличие в большей посылке доказательства заключения. Скорее, речь может идти об особой трактовке отношения presupпозиции¹². Как показал Х. Палмер¹³, следует различать аргументацию, в которой обнаруживается «круг», от так называемой уклончивой (*question-begging*) аргументации. Последняя есть характерная ошибка в споре, когда привлекают излишние посылки (зачастую это делается для того, чтобы непосредственные выводы замаскировать под опосредованные) или сообщают избыточную информацию в большой посылке (например: Все люди, включая Сократа, смертны; Сократ человек; Сократ смертен). Чистые круговые аргументы редко встречаются, поскольку очевидна их бесполезность. Другое дело — «презумптивно круговые» аргументы. Это, утверждает Палмер, незавершенные аргументы, в которых заключение позволяет установить посылку, сообщающую, как правило, о некоторой эпистемологической ситуации. Весь цикл рассуждения должен завершиться, чтобы посылка оказалась установленной. К такого рода рассуждениям, вероятно, относится и кантовская ТА.

В любом случае формальная сторона не исчерпывает всего содержания ТА, которая, на наш взгляд, имеет своеобразную герменевтическую направленность. В ней даже обнаруживается свой «герменевтический круг»: целое (некоторая априорная способность) становится понятным через часть (конкретный вид опыта), и наоборот. А роль герменевтического «предпонимания», позволяющего войти в «круг», играет тезис «коперниканского переворота». Кантовская «протогерменевтика» имеет в основном эпистемологический характер (использование ТА в этике не исключает данной оценки). Развитие же герменевтики в немецкой гуманитарной культуре конца XVIII — начала XIX вв. пошло, как известно, по иному пути. В данный период произошел перенос центра тяжести на вопросы интерпретации и понимания текстов (и в этой связи окончательно сформулировалось понятие «герменевтического круга»). Отметим также, что нетрадиционная «герменевтическая» трактовка кантовской ТА заслуживает специального рассмотрения и обоснования.

Несмотря на важность учета тезиса «переворота» для уяснения характера действия ТА, она совсем не обязательно должна связываться с точкой зрения субъективного идеализма. Подчеркивая, что мы в определенном смысле познаем в явлениях то, что сами в них вложили, Кант не только продолжает ста-

рую, идущую еще от античности, традицию, выраженную тезисом «подобное познается подобным», но и в типичной для него манере подчеркивает активный характер нашего познания¹⁴, представляющего собой преобразовательную и конструктивную деятельность.

¹ Gram M. S. Must Transcendental Arguments be Spurious?//Kant-Studien, 1974. Jg. 65. H. 3. S. 312.

² Arndt S. W. Transcendental Method and Transcendental Arguments//International Philosophical Quarterly, 1987. Vol. XXVII. N.-Y. P. 54.

³ Walker R. C. S. Kant. London, 1982. P. 20—21.

⁴ Arndt S. W. Op. cit. P. 57.

⁵ Moore G. E. Proof of an External World//Philosophical Papers. London, N.-Y., 1959. P. 127.

⁶ См.: Strawson P. F. The Bounds of Sense. An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. London, 1966.

⁷ См.: Wittgenstein L. On Certainty (Über Gewissheit). Oxford, 1969.

⁸ Genova A. C. Good Transcendental Arguments//Kant-Studien, 1984. Jg. 75. H. 4. S. 484.

⁹ Хинтикка Я. Кванторы, языковые игры и трансцендентальные рассуждения//Логико-эпистемологические исследования. М., 1980, С. 301.

¹⁰ Genova A. C. Op. cit. P. 490.

¹¹ Кант И. Логика//Трактаты и письма. М., 1980. С. 358.

¹² Arndt S. W. Op. cit. P. 58.

¹³ Palmer H. Do Circular Arguments Beg the Question?//Philosophy. 1981. Vol. 56. N 217.

¹⁴ Как правильно отмечает Хинтикка, «трансцендентальным для Канта является тот аргумент, который демонстрирует возможность определенного вида синтетические знания, показывая, что оно зависит от той самой нашей активности, с помощью которой обретается это знание» (Hintikka J. Transcendental Arguments: Genuine and Spurious//Nous. 1972. Vol. 6. 275).

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

А. Дегулис

(Институт философии, социологии и права АН Лит. ССР)

Состояние современной аналитической философии в некоторых существенных отношениях напоминает состояние докантовской философии. Противостояние в ней позиции натурализма («натурализованной» философии У. Куайна)¹ и позиции — условно-концептуального идеализма (по названию книги Н. Решера)² если не тождественно, то аналогично противостоянию эмпиризма Локка и рационализма Лейбница.

Здесь, как и там, противостояние имеет место в силу того, что каждая из сторон находит слабые места у противной стороны в деле истолкования и критической оценки наших (до-философских) представлений о действительности. Речь идет о системе представлений, связанных в общее представление о едином временно-пространственном, причинно связанном мире. Назовем это представлением эмпирического реализма. Для